

Постсоветские контрасты: память, идеология, конфликт.

Редакционное введение

Тезис Гегеля о том, что «разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно», не раз пытались опровергнуть и философы, и политики в XIX-XXI веках. Активное участие в этом антигегелевском заговоре принимает и постсоветская политическая реальность.

Третий номер журнала «Идеологии и политики» посвящен идеологическим процессам, оформляющим постсоветским практикам бегства от свободы. Это оформление происходит в политико-идеологических конфликтах, и участие, и победа в которых связана с попытками пересмотра ценности свободы в ее теоретических и практических аспектах. Конфликт коллективных памятей еще недавно дарил надеждой на сохранение политического плюрализма и преодоление ограничений «исторической колеи». Однако бои нарративов стал все чаще выявлять победителей – во внутри- и внешнеполитических конфликтах. Именно этим боям, а также их победителям и побежденным посвящен этот номер журнала.

Этот журнальный том открывает статья Андрея Цыганкова с анализом идейного развития Александра Панарина. Страстный советский либерал и яркий постсоветский евразиец, после рокового 1991-го Панарин переживает идеологическую эволюцию, показательную для беспокойного поколения шестидесятников. Начавший свою жизнь в индустриальной среде Донбасса и завершивший ее в интеллектуальных средах Москвы, перешел с позиций защитника либеральных идей на платформу охранителя традиций. По версии Андрея Цыганкова, Панарин дарит нам уроки опасности свободы. Необходимость увязать политические свободы с социальной ответственностью, свободный рынок со «служилой аскезой» и разум Модерна с экосоциализмом – выводы, указывающие на Александра Панарина как на зеркало российской консервативной революции конца XX – начала XXI вв.

Во второй статье этого номера Евгения Сарапина пишет о «боях местного значения» между альтернативными версиями коллективной памяти за доминирование в Киеве. Если городское пространство само по себе является местом постоянного производства своего прошлого, то, в случае с Киевом, продукт такого производства влияет на структуры и результаты символического обмена, ведущие далеко за административную черту Города. Украинская исследовательница показывает основные стратегии конкуренции трех нарративов Киева: сакрально-имперского, суперэтнического советского и фрагментированного постсоветского. Рассыпанность, гетерогенность, неспособность собраться в относительно связанное единство делает киевскую память инвариантной моделью постсоветской борьбы за идеологическое доминирование.

В следующем тексте Леонид Сторч сравнивает общественную реакцию на дело Pussy Riot с дебатами столетней давности вокруг дела Бейлиса. Предложенная интерпретационная перспектива оказывается пугающе результативной. На фоне победы права над идеологией в деле Бейлиса, приговор для жриц панк-молебна выглядит историческим реваншем антизападничества. Похоже, что

прошедшее столетие Западной Евразии оказалось периодом, повернувшим вспять гегелевскую спираль разворачивания свободы в истории. Криминализация кошунства стала своеобразным подтверждением успеха не Постмодерна, а пре-Модерна в постсоветских политических трансформациях.

Завершающей статьей этого тома «Идеологии и политики» является экскурс Владимира Папавы в концептуальные споры постсоветской символической географии. Полемический текст геополитика показывает разнообразие консервативного мышления в попытках определения пространства, образовавшегося на месте исчезнувшего Советского Союза. Противопоставляя российскому представлению о Евразии концепцию Центральной Кавказии, Владимир Папова показывает и сам способ геополитической аргументации, и его идеологические основания и цели.

Гегель призывал «твердо и непоколебимо верить, что во всемирной истории есть разум». Постсоветская пора представляет все больше аргументов для испытания этой веры.

Михаил Минаков